Державин обновляет лирику созданием образа «влюбленного старика», на котором держатся и единство, и самобытность его книги. В последнем четверостишии сборника поэт возвращает читателей к оксюморону о любви в морозе старости, т. е. к началу:

Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так с вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка [41]

Образ старика в АП соотносится с водной стихией на разных уровнях, но не всегда непосредственно с образом самого автора. Например, к стихотворению «Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу», которое наполнено элементами текучести и начинается со стихов: «По гранитному я брегу / Невскому гулять ходил, / Сладкую весенню негу, / Благовонный воздух пил», — в рукописи с рисунками, подготовленной для 3-го тома сочинений Державина, воссоздающего с дополнениями АП 1804 г., приложена концовка, изображающая облокотившегося на урну старика со следующим пояснением: «Река в виде Старца источает из урны воду, на которой написано: Нева 1801 года».[42] Кто же этот «старец», источающий воду? На эксплицитном уровне он как будто не должен иметь ничего общего с образом автора, который с первых же стихов утверждает, что сам «по гранитному брегу Невскому гулять ходил», а должен, видимо, представлять Хроноса, который после совмещения с образом старика Кроноса в поздней античной мифологии, изображался старцем, источающим воду. Для того чтобы основательно понять значение этого образа, надо вернуться к началу зрелого периода в творчестве Державина, т. е. к 1778—1779 гг., связанным с инцидентом при реке Каме. Этот эпизод послужил чем-то вроде водораздела в творчестве Державина и подвел его не только к соединению образа поэта с источником воды, а также к последующему развитию темы в его творчестве. Начиная со следующего года образы текучести, плавности, жидкости, протекаемости, слезности станут необходимыми атрибутами в его поэтике и войдут практически во все его стихи.[43] В знаменитом произведении этого времени, в «Ключе», написанном в честь М. М. Хераскова, закончившего к этому времени «Россияду», Державин пропитывает практически каждую строфу

---

[41] См «Венец бессмертия» в АП86 С 85

[42] См факсимильное воспроизведение в АП86, между с 160—161 (Альбом-вкладыш С 42)

[43] В «Успокоенном неверии» мы, например, находим строфу, откликающуюся на тему «суеты сует», начатую еще М. М. Херасковым в «Сонете и Эпитафии» (см Ежемесячные сочинения 1755 Август. С. 166), но если у последнего персонаж-сирота рождается для того, чтобы быть «покрытым землею», то у Державина «Младенец лишь родится в свет ⟨ ⟩ Низвержен в треволненно море, / Волной несется чрез волну, / Песчинка в вечну глубину» (1, 43).